

Астрадыма”, — отвечал ему Ванька. „Я нарочно взял его вид, — сказал черт, — для того, что из смертных повар ваш более всех на меня походит”. Ванька, увидя, что то прямо черт, а не Астрадым, вострепетал от сего видения и вдруг хотел было перекреститься, но почувствовал, что рука не только не подымается, но еще опускается книзу и становится лошадиною ногою. Уже другая рука его была точно в таком же превращении, и он стал на четвереньках. Великая и круглая глава его становилась отчасу продолговатее; волосы его ошетинились и стали гривую; лишь только глаза его остались в прежнем состоянии, ибо всегда были они лошадиные. Наконец, сказывал он мне, что он стал точно такая же лошадь, как наша правая коренная, которую я ныне нанимаю. Став лошаddyю, заржал мой Ванька и тем перепугал весь народ и себя самого так, что он очнулся и, пришед домой, поведал мне сие видение.

Впрочем, любезные друзья, намерен я вас просить о покупке мне чего-нибудь на летнее платье, также и камзола под коричневый кафтан, который у меня почти совсем нов. — Ежели у вас нет денег, то займите и уведоьте меня, сколько на то вы употребили, чтоб мог я по первой же почте перевести к вам деньги, в которых ныне, слава богу, я недостатка не имею. Сделайте сию милость мне, как наискорее. — Простите.

*M-r Porochine est congedié de la cour pour les impertinances qu'il a fait par rapport de mademoiselle Cheremeteff.*

В Лазарево воскресенье погребали Бестужева.

Сколь различна их судьбина!»<sup>6</sup>

Данное письмо, неоднократно печатавшееся, но, по существу, еще не прокомментированное, представляет большой интерес. Сразу же бросается в глаза разнообразие содержащейся в нем информации. Прежде всего, оно нуждается в историческом комментарии: в самом конце Фонвизин пишет родным об отставке С. А. Порошина, сообщая при этом наиболее распространенную версию данной отставки, состоящую в том, что он, как полагали, посватался к графине Шереметевой, ставшей позднее невестой Н. И. Панина и умершей от оспы, и о кончине А. П. Бестужева-Рюмина. Кроме этого рассматриваемое письмо, в совокупности с другими письмами Фонвизина родным, позволяет лучше понять атмосферу, в которой существовал и сам Фонвизин, и его родные. Учитывая значение Фонвизина и его близких, в том числе сына Феодосьи Ивановны Александра Васильевича Аргамакова,<sup>7</sup> в культурно-исторической жизни второй половины XVIII—начала XIX в., это представляется достаточно существенным. Также в письме содержатся дополнительные штрихи для характеристики

<sup>6</sup> Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 340—342.

<sup>7</sup> См. о нем Кочеткова Н. Д., Фоменко И. Ю. Аргамаков А. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А—И). Л., 1988. С. 38—39.